

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

О.А. КАЖАНОВ

МЕТОД СТАТИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЦИСТИКИ И. ЧЕРНЫШЕВА)

Цель статьи — анализ публицистического исследования, проведенного в 1905 году марксистским социологом права И. Чернышевым и посвященного статистическому моделированию электоральной ситуации в России в условиях свободных демократических выборов в Учредительное собрание. Исходя из основных принципов всеобщего избирательного права, автор описал структуру и территориальное распределение социально-классовой сегментации избирательного корпуса страны на основе анализа статистических данных первой общероссийской переписи 1897 года. И. Чернышев приходит к выводу, что судьбу конституционного развития страны будут определять не пролетарские политические партии, а мелкобуржуазные партии с аграрными программами. Практика проведения выборов во Всероссийское учредительное собрание в 1917 году подтвердила объективность электорального прогноза И. Чернышева.

Ключевые слова: Россия начала XX века, выборы, социологические исследования, статистическое моделирование, электорат, социальная структура, политическое прогнозирование.

История мировой социологии включает не только теоретико-концептуальное обоснование социального бытия, но и практику эмпирического анализа конкретных социальных явлений и процессов. В пределах этой практики обрабатывались методы социологических

Кажанов Олег Александрович — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Смоленского государственного университета. Адрес: 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4.
Телефон: (4812) 38-31-57. Факс: (4812) 38-31-57.
Электронная почта: kazhanov@bk.ru

исследований, что, по мнению Н.В. Романовского, является важной составляющей прогресса науки об обществе [7, с. 19].

Все чаще объектом исследования современных российских ученых становится отечественный опыт эмпирических изысканий. Особый интерес вызывает дореволюционный этап в развитии социологии, когда и государственные, и муниципальные структуры, и общественные организации, и частные лица предпринимали первые попытки сбора, обработки и анализа фактологического материала, позволявшего разобраться в сущности социальных вопросов, привлекавших внимание общественности. Полученные результаты свидетельствуют о широте тем, стимулировавших прикладные исследования того времени, и об интенсивности поиска методических приемов, способных дать объективную социальную информацию по востребованной проблеме [2; 5; 8].

Научный задел, созданный в процессе изучения эмпирической составляющей в истории русской социологии, нельзя назвать исчерпывающим. За рамками исследований остается ряд актуальных для своего времени социальных тем, привлекавших внимание отечественных эмпириков. Например, введенный в начале XX века институт народного представительства и выборы в Государственную думу Российской империи, стимулировавшие интерес общественности к электоральному поведению россиян и вызвавшие к жизни целый ряд прикладных исследований в этой сфере. В одной из предыдущих публикаций мы уже рассматривали применение статистического метода в эмпирических социологических исследованиях думских избирательных кампаний 1906–1912 годов [6]. Настоящая статья продолжает тему и раскрывает малоизвестные страницы российской публицистики преддумского периода, посвященной электоральным проблемам.

Современная электоральная социология предлагает широкий арсенал методов и приемов сбора и анализа фактологического материала, что позволяет эмпирически исследовать разнообразные явления и процессы псефологической направленности. Интересующий нас метод моделирования является процессом замещения объекта-оригинала с целью получения новых знаний о его определенных значимых сторонах неким искусственно созданным материальным или мысленно представляемым объектом, повторяющим объект-оригинал. В электоральной социологии этот метод связан с построением идеальных объектов и ситуаций, представляющих собой отношения и элементы, сходные с отношениями и элементами реальных избирательных процессов.

К объектам аналитического моделирования относится и такой социальный феномен, как электоральное поведение людей. Анализ выделенных сущностных характеристик электорального поведения

имеет практическое значение, поскольку их учитывают при формулировании стратегии и тактики участия индивидуальных и коллективных кандидатов на выборах.

Одной из первых была разработана социологическая модель поведения избирателя, в основе которой лежала зависимость электорального выбора от положения человека внутри социальной структуры, его объективного экономического, социального и демографического статуса. «Классический» вид социологической модели электорального поведения придал концепт социальных «кливажей» (размежеваний), разработанный в шестидесятых годах XX века американскими учеными С. Липсетом и С. Рокканом [11]. Согласно их теории, структурирование поддержки политических партий и кандидатов на выборах определяется социальными конфликтами, в основе которых лежит ряд противоречий: между центром и периферией страны; государством и церковью; городом и селом; собственниками и наемными рабочими.

Попытки моделировать поведение избирателей с позиций их принадлежности к большим социальным группам осуществлялись, в том числе и в нашей стране, еще на рубеже XIX–XX веков. Одна из подобных попыток провести электоральное исследование была предпринята в 1905 году марксистским публицистом И. Чернышевым¹. В его исследования лежало статистическое моделирование главных контуров социально-классового размежевания возможного электорального пространства при свободных демократических выборах в высшее представительное учреждение на территории Российской

¹ *Чернышев Илларион Васильевич* (1869–?) — марксист, член РСДРП (м); в Петербурге в 1894–1895 гг. примкнул к рабочему движению, входил в группу «молодых», противопоставлявшей себя группе «стариков», во главе которых стоял В. Ленин. Был в ссылке в Вологодской губернии. Работал в начале 1900-х гг. в социал-демократических организациях на юге России, примыкая к группе «Южного рабочего»; в 1902 г. уехал за границу; первое время являлся сторонником редакции газеты «Искра», позднее стал поддерживать линию «Рабочего дела». Активно занимался публицистической деятельностью; автор ряда работ: «Памятная книжка марксиста» (СПб., 1906); «Общины после 9 ноября 1906» (Пг., 1917, ч. I–II); «Классовые основы избирательного права» (Пг., 1917); «Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет» (Пг., 1918) и др. После Октябрьской революции Чернышев в качестве профессора политической экономии и аграрной статистики преподавал в Ленинградском сельскохозяйственном институте и других высших учебных заведениях города. Репрессирован в 1930-е годы. Отдельные произведения И.В. Чернышева переиздаются и в наши дни, см.: *Чернышев И.В.* Памятная книжка марксиста / Предисл. М.Е. Равич-Черкасского. М.: Либроком; УРСС, 2010.

империи [10]. Основная цель разработки «нулевой» модели электоральной ситуации — позиционирование политических партий, способных принять участие в избирательной кампании, и электоральный прогноз.

В рескрипте Николая II от 18 февраля 1905 года на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина провозглашалось намерение императора привлечь к участию в подготовке законов представителей различных слоев, избранных народом, и поручалось главе министерства внутренних дел созвать Особое совещание для обсуждения мер по реализации монаршей воли. Появление этого документа вызвало неоднозначную общественную реакцию, проявившуюся в разной трактовке судьбы и характера будущего парламента. Приверженцы славянофильских идей ориентировались на законосовещательный вариант, во многом напомилавший уже существовавшие в истории России Земские соборы, а демократическая оппозиция ратовала за созыв Учредительного собрания, призванного принять первую российскую конституцию. Чернышев, будучи сторонником последнего варианта, попытался, взяв за основу материалы переписи населения 1897 года, оценить расстановку социально-классовых сил в стране — их борьба на выборах в предпарламент определила бы содержание законодательных основ развития России в XX веке.

Исследователь выделил первоначально заданный параметр моделирования социальной составляющей электорального пространства, к которому отнес регламентацию избирательного процесса на основе принципов демократического избирательного права (всеобщность; равенство; тайное голосование; прямое, или непосредственное, голосование). Анализ исторического и современного опыта зарубежных стран с позиций марксистской социологии права фиксировал сознательное сужение конституционного содержания этих принципов имущими классами в интересах властного господства. Чернышев описывает многочисленные избирательные цензы, косвенные и многоступенчатые формы выборов, попытки замены тайного голосования открытым вотированием, наблюдаемые в начале XX века в тех или иных цивилизованных странах. С его точки зрения как марксистского публициста, рабочему движению выгодна демократизация избирательного права, поскольку она расширяет электорат за счет неимущих классов и усиливает позиции левых партий на выборах, создавая благоприятные условия для продвижения общества к социалистическому переустройству. Чернышев отмечал: «Строго демократическое содержание эта формула [“всеобщее, равное, прямое и тайное право”] получает только в том случае, если в ней заключается требование активного и пассивного избирательного права для всех совершеннолетних граждан [достигших двадцати одного года. — *О.К.*] обоего пола

без различия национальности и вероисповедания, при неперменном условии, чтобы каждый избиратель пользовался *не более как одним голосом*, подавал этот голос *тайно* и избирал *непосредственно* депутата, а не выборщика» [10, с. 227]. В российских условиях, чтобы избирательная система могла объективно определить политическое волеизъявление народа, именно такой радикальный подход должен был лечь в основу правового регулирования выборов в Учредительное собрание.

На основе установленных параметров Чернышев провел сравнительный анализ социальных характеристик населения страны, представленных в официальных отчетах переписи 1897 года, рассчитав общее количество избирателей и их социальный состав (половозрастные, образовательные, этнические, вероисповедные, сословные и другие характеристики).

Особый акцент был сделан на сегментировании электорального корпуса по его социально-классовой принадлежности, то есть разработка строилась на социальном размежевании интересов собственников и наемных рабочих. При этом Чернышев, используя статистические массивы переписи населения в качестве источника электорального анализа, столкнулся с рядом трудностей. Одна из них состояла в том, что отчетные материалы не всегда отражали новейшие тенденции в социально-экономической жизни страны, необходимые для проведения электоральных статистико-социологических исследований. На это указывал сам автор, моделируя социально-классовый состав электорального корпуса России в условиях проведения свободных демократических выборов в стране: «Для того чтобы ответить на вопрос, как велика численно каждая из борющихся с самодержавием общественных групп, наша статистическая литература не дает достаточных данных, и единственный новейший источник — опубликованные результаты всеобщей переписи населения 1897 г. — в этом направлении может быть использован очень мало» [10, с. 290].

Кроме того, цели проведения переписных мероприятий не были ориентированы на конкретные задачи электоральных исследований. Используемые статистические отчеты не во всех случаях могли предоставить аналитику прямую информацию, позволявшую выявить те или иные существенные тенденции или закономерности избирательных процессов. Осложняли работу многочисленные ошибки и разночтения в фактологической информации, объяснявшиеся скорее всего недостатком опыта. Поиск статистической информации предполагал обращение к косвенным методам исследования, сопоставлению близких по значению к искомым статистических выкладок, использованию логических предположений, — все это неизбежно сказывалось на объективности формулировавшихся выводов, чего, впрочем, не

скрывал и сам автор [10, с. 290]. Иллюстрацией такого рода расчетов является попытка Чернышева определить численный состав пролетариата в крупных городах (более пятидесяти тысяч жителей) Российской империи. В статистических отчетах переписи населения 1897 года нужная информация отсутствовала. Исследователь предложил сопоставить имеющиеся данные о дифференциации по роду занятий самодеятельного населения², проживавшего в крупных городах страны, со сведениями о дифференциации по роду занятий пролетариата в рамках всей страны. Так, если в крупных городах 31,8% самодеятельного населения жило за счет «промышленности», а в России 50,3% самодеятельного населения, жившего за счет «промышленности», составлял пролетариат, то логично было предположить, что половину (около 16%) городского населения, занятого в промышленности, составляли рабочие. На основе таких расчетов делался вывод, что от одной трети до половины самодеятельного населения крупных городов составляет пролетариат [10, с. 314].

Анализ статистических данных переписи населения 1897 года, несмотря на описанные выше трудности, позволил автору не только рассчитать социально-классовый континуум электорального корпуса, но и выделить территориальное расположение его основных сегментов, очертив тем самым «электоральный ландшафт» России начала XX века. Чернышев использовал схему «колец», что позволило ему разделить губернии Европейской части России, Царства Польского и Кавказа на районы с преобладанием населения, занятого в сельскохозяйственном или промышленном производстве. Основное кольцо составили сорок семь аграрных областей, в которых избиратель-земледелец должен был определять итоги голосования. В центре этого кольца и по окружности расположились губернии, где доля пролетаризированного населения являлась довольно значительной, чтобы оказать влияние на исход выборов. Корреляционный анализ статистических рядов, характеризовавших степень грамотности избирателей по выделенным территориальным группировкам, позволил сделать вывод о близком совпадении районов наибольшей грамотности с районами, отличавшимися высоким процентом промышленного и пролетаризированного населения. «В этой, пока еще сравнительно слабо выраженной связи, — указывал исследователь, — развития

² Выделялись четыре группы, включавшие лиц, занятых в следующих отраслях: 1) сельское хозяйство (земледелие, кочевое хозяйство, рыболовство, охота и т. д.); 2) промышленность (обрабатывающая промышленность и горное дело); 3) торговля и транспорт (железные дороги и иные пути сообщения, извоз); 4) прочие источники существования (чернорабочие, прислуга, военные, содержащиеся под стражей и т. д.), см.: [10, с. 302–303].

грамотности, индустриализма и пролетаризации населения — лежит, уже подтвержденное историей Западной Европы, указание на общую связь культурного будущего России с развитием ее производительных сил, предполагающим в капиталистическом обществе развитие крупной промышленности, рост пролетариата и борьбу его за социализм» [10, с. 324].

Проведенная Чернышевым работа по выявлению социально-классовых групп электорального корпуса на основе территориально-пространственного распределения позволила ему осуществить позиционирование политических партий³ и определить районы, в которых классовая направленность может принести успех на выборах. Проведя нарезку избирательных округов из расчета сто тысяч избирателей на одного депутата, Чернышев определил, в частности, лишь девять округов, где шансы на успех у социал-демократической партии будут максимальны, и двадцать семь округов, где они будут достаточно велики.

Исследование проводилось в рамках характерной для отечественной политической науки гуманитарной традиции — одним из ее направлений было изучение электоральной проблематики с географических позиций, когда электоральное пространство мыслилось через призму устойчивых территориальных различий в электоральном поведении [1].

В результате статистического анализа были определены социальные параметры смоделированного электорального корпуса для условий проведения свободных демократических выборов в стране. Его численность предположительно составила бы 62 миллиона человек, то есть половину населения страны. Эта цифра почти в два с половиной раза превышала количество россиян, получивших право голоса по избирательным законам от 24 декабря 1905 года и 19 августа 1908 года [4, с. 308], из-за отказа от большинства практикуемых в других странах избирательных цензов, вплоть до предоставления возможности участвовать в голосовании лицам, находящимся в местах заключения. Лишь возрастной ценз, минимум которого составлял двадцать один год, — по представлениям западных правоведов того

³ В начале XX в. популярность классовой теории политических партий в среде научной общественности была довольно велика. Ее сильной стороной, как отмечали критики, являлась ориентация на реальные условия жизни, а движущей пружиной деятельности партий признавались классовые интересы общества. В то же время принижение роли национальных, религиозных и других переплетенных между собой социальных интересов в политике рассматривалось как ее недостаток, см.: [9, с. 162].

времени, срок наступления политического «совершеннолетия» человека — определял общую численность электорального корпуса.

С точки зрения этнической составляющей две трети российских избирателей представляли русские (великороссы — 27 миллиона человек, малороссы — 11 миллионов человек, белорусы — 3 миллиона человек)⁴. С точки зрения конфессиональной принадлежности существовало следующее соотношение: на 1 тысячу избирателей приходилось 693 православных. Городское население, получившее право голоса, составило лишь 9 миллионов 620 тысяч человек. Выборы в Учредительное собрание должны были проходить в стране, где преобладало малограмотное или полностью безграмотное население.

Избирательный корпус делился примерно на две равные по численности половые группы, однако по другим социальным характеристикам равенства между мужчинами и женщинами не наблюдалось. Среди мужского населения было больше грамотных, больший процент городских жителей и лиц, самостоятельно добывавших себе средства к существованию — последний показатель в четыре с половиной раза превосходил аналогичный среди женского населения.

По принципу сословного представительства был выделен самый большой электоральный сегмент, который представляли крестьяне в совокупности с войсковыми казаками (77,6%). Однако, по мнению Чернышева, голосовать одностипно крестьянство не могло в связи с внутренним расслоением. Во-первых, крестьянство разделилось на две категории: зажиточные крестьяне — крепкие хозяева-кулаки; и батраки — сельские пролетарии. Во-вторых, по подсчетам исследователя, около 10% крестьян уже не были связаны с землей и жили отхожим промыслом. Последние пополняли не только самостоятельное население, по роду занятий входившее во вторую, третью и четвертую группы (о группах см. сноску 2), но и ряды промышленного пролетариата, численность которого (с семьями) по материалам переписи 1897 года составляла 16,5% и имела тенденцию к увеличению⁵. Процесс индустриализации в стране переживал начальную стадию, и промышленность еще не вполне отделилась от земледелия, что косвенно подтверждалось подавляющим преобладанием лиц, живущих «от земли» (67% электората).

Таким образом, Чернышев приходит к выводу: избиратели-земледельцы будут составлять основной сегмент электората на выборах. Большинство из них являлись противниками существовавшего

⁴ В дореволюционной России существовала концепция триединства русского народа, согласно которой в его состав входили также украинцы и белорусы.

⁵ Согласно Чернышеву, в 1906 г. пролетариев в стране насчитывалось 18,5% [10, с. 346].

политического строя, стремились освободиться от полицейской опеки земских начальников, непомерных налогов и податей и были заинтересованы в решении главного экономического вопроса — вопроса о земле. Соответственно большой популярностью у избирателей будут пользоваться «юнкерские» и мелкобуржуазные политические партии, причем не только в аграрных регионах, но и в крупных городах, где, по расчетам Чернышева, крестьянское сословие составляло 52,4% населения.

Чернышев дает однозначный электоральный прогноз: при выборах на основе всеобщего избирательного права голоса пролетариев (6,5 миллиона избирателей) потонут в массе голосов земледельцев (43 миллиона избирателей). «Даже считаясь с имущественным расслоением земледельческого населения, — пишет исследователь, — необходимо признать, что главной опорой будущей Российской Конституции окажется земледелец — у нас, как известно, по преимуществу мелкий “хозяин”. Какой бы революционной ни оказалась мелкая земельная буржуазия в вопросе о “конфискации земель” крупных помещиков, государства и уделов, признает она только конституцию, в основе которой лежит господство частной собственности на средства производства» [10, с. 347].

Верификация предложенной электоральной модели оказалась возможной лишь в условиях постфевральской России. Крах самодержавия предполагал смену государственного устройства страны, поэтому одним из первых решений Временного правительства стал созыв в кратчайшие сроки народной ассамблеи, призванной определить образ правления и основные законы Российского государства, то есть дать стране конституцию. Положение о выборах в Учредительное собрание базировалось на основных принципах демократического избирательного права, похожих на те, которые были заложены в основу разработанной Чернышевым модели. Процесс выборов проходил в сложной экономической, социальной и политической обстановке конца 1917 года, но сама избирательная кампания подтвердила основной вывод исследователя, что решающий голос в конечном исходе выборов будет принадлежать деревне. К такому же выводу пришел статистик Н.В. Святицкий, проанализировавший победу эсеров, набравших 57% всех поданных на выборах голосов, и поражение большевиков, получивших менее одной четвертой всех депутатских мандатов, несмотря на заимствование эсеровской земельной программы [3, с. 117]. Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание оказались наглядным примером правоты Чернышева, утверждавшего, что российское общество начала XX века еще не готово к пролетарским социалистическим преобразованиям и политическое будущее страны должны определять не пролетарские, а мелкобуржуазные крестьянские партии.

Публицистическая деятельность Чернышева пришлась на время интенсивного формирования в дооктябрьской России такого важного направления политической социологии, как социология выборов и электорального поведения, а также разработки количественных и качественных методов эмпирических исследований в этой сфере [8, с. 520]. Несомненно, свой вклад в этот процесс внесла и работа Чернышева — прикладное, основанное на методе статистического моделирования социологическое исследование, в котором были спрогнозированы политические последствия всеобщего избирательного права в социокультурных условиях российской действительности начала XX века. Исследование подтвердило довольно высокий уровень методической оснащенности российской электоральной аналитики того времени, умение вскрывать при минимуме использованных статистических и правовых источников не только статику, но и динамику социально-классовых отношений в стране, способность выявлять объективные тенденции в их развитии. Выводы, сделанные автором, характеризуют формирующееся мастерство электорального прогнозирования, основой которого являлось представление о доминировании объективных социальных факторов в формировании политического выбора россиян. В целом творчество И. Чернышева — лишь одна из малоизученных страниц отечественной истории прикладных электоральных исследований; и знакомство с ней, на наш взгляд, заставляет усомниться в сложившемся представлении, что наука о выборах и электоральном поведении зародилась в нашей стране не более двух десятков лет назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахременко А.С.* Электоральное пространство: теоретико-методологические проблемы [электронный ресурс]. Дата обращения: 09.08.2012. URL: <<http://www.dslib.net/teoria-politiki/ahremenko.html>>.
2. *Беляева Л.А.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. Учебное пособие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
3. *Большевики у власти.* Социально-политические итоги Октябрьского переворота. Сборник статей. М.: Революционная мысль, 1918.
4. *Выборы во всем мире.* Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник / Сост. А.А. Танин-Львов. М.: РОССПЭН, 2001.
5. *Голосенко И.А.* Социологическая ретроспектива дореволюционной России. Избр. соч. в 2-х кн. / Под ред. В.В. Козловского. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002.
6. *Кажанов О.А.* Статистико-социологический метод в российских электоральных исследованиях начала XX века (на примере думских избирательных кампаний 1906–1912 годов) // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 127–143.

7. Романовский Н.В. История социологии: конструкционистская перспектива // Вестник РГГУ. 2011. № 3. С. 11–30.
8. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ин-т социологии РАН, 1998.
9. Спутник избирателя в Государственную думу на 1906 год. СПб.: Изд-во И.И. Ефрона [1906].
10. Чернышев И. О всеобщем избирательном праве и применение его в России // Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России. Вып. 2. СПб.: Изд-во Н. Глаголева, 1906. С. 219–350.
11. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party system, and voter alignments: An introduction // Party systems and voter alignments. New York: The Free Press, 1967.